

Д. И. Писарев

Сочинения

Полное собрание в шести томах Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. И. Писарев**
Сочинения: Полное собрание в шести томах Том 1 / Д. И. Писарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 634 с.

ISBN 978-5-518-01527-2

ISBN 978-5-518-01527-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ.

(Библиографическія замѣтки и критическія статьи изъ журнала „Разсвѣтъ“, 1859 г.)

Записки доброй матери или послѣднія ея наставленія при выходѣ дочери въ свѣтъ.

Спб. 1858 г. Ц. 1 р.

Книга эта, по своему важному предмету, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія. Эти послѣднія наставленія, писанныя отъ имени умирающей матери, заключаютъ въ себѣ взглядъ автора на значеніе женщины, на положеніе ея въ обществѣ и на ея обязанности. Вся книга раздѣляется на 4 части.

Въ первой части авторъ говоритъ о женщинѣ вообще и опредѣляетъ ей мѣсто въ природѣ. Мысли его о различномъ назначеніи мужчины и женщины довольно вѣрны, но не новы; первому онъ предоставляетъ дѣятельность внѣшнюю, государственныя и общественныя заботы; на долю второй оставляетъ домашнюю жизнь, воспитаніе дѣтей, дѣятельность въ семейномъ быту. Можно однако замѣтить, что дѣленіе это у него сдѣлано слишкомъ рѣзко и вредитъ разумной самостоятельности женщины, ставя ее въ полную зависимость, во-первыхъ—отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, во вторыхъ—отъ мужчины. Почему-же женщины не заняты наукою для науки, почему ей не посвятить себя искусству, ежели она чувствуетъ къ тому внутреннее призваніе? Вообще первая часть, кромѣ этого отдѣла, заключаетъ въ себѣ общія мѣста о необходимости сохранять здоровье, заботиться до нѣкоторой степени о наружности и обогащать умъ познаніями; во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго; самыя гигиеническія указанія очень неопредѣленны и ограничиваются совѣтами быть умѣренной во всемъ, беречься простуды, избѣгать сквозного вѣтра.

Во второй части говорится о добродѣтеляхъ, необходимыхъ для женщины, и объ образованіи ея ума. Говоря о сердцѣ женщины, авторъ какъ-то страшно отдѣляетъ душу отъ сердца и старается опредѣлять различіе между тѣми и другими.

«Душа—мать добродѣтелей, сердце—источникъ чувствъ нашихъ; душа дѣлаетъ насъ достойными любви, а сердце учитъ любить; душѣ мы обязаны счастьемъ, а сердцу—способами, какъ пользоваться этимъ счастьемъ; первая, бывъ безпрестанно дѣятельна, требуетъ силы, постоянства; второму необходимо чувствительность и доброта, потому что оно постоянно любить. Душа совершеннѣе, а сердце прекраснѣе; добрая душа, кажется, не подвластна никакому заблужденію, а наилучшее сердце можетъ ошибиться.»

Это чрезвычайно непонятно; вообще авторъ любитъ раздѣлять то, чего раздѣлять нѣтъ ни надобности, ни возможности; при этомъ онъ впадаетъ въ такія психологическія тонкости, которыя только затемняютъ дѣло и въ сущности ни къ чему не ведутъ; такъ напримѣръ онъ отдѣляетъ «доброту» отъ «добродѣтели», «неаккуратность» отъ «безпорядка» и долго разсуждаетъ о нѣкоторомъ различіи ихъ между собою. Несмотря на эти недостатки, изложенія о добродѣтели, необходимой для женщины, опредѣлены вѣрно; указывая на добродѣтель, авторъ въ то-же время упоминаетъ и о тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ можетъ повести излишнее преобладаніе самаго благороднаго качества. Доброта можетъ перейти въ слабость, чувствительность часто разстраиваетъ здоровье, постоянство иногда доходитъ до упрямства. Что касается до развитія умственныхъ способностей, то основной взглядъ автора на образованіе женщины совершенно невѣренъ. Вотъ его длинные слова:

«Всѣ даже науки и искусства, которыми женщины преимущественно занимаются въ молодости, имѣютъ двоякую цѣль: первая—придать себѣ прелесть и пріобрѣсть средства всѣмъ нравиться; вторая, по моему, болѣе важная, — удѣлять ихъ дѣтямъ.»

А гдѣ-же внутренняя самостоятельность женщины? Неужели она должна развивать свой умъ только для свѣта, для мужа и для дѣтей? Неужели она должна совершенно оставить въ сторонѣ свою собственную личность? Нѣтъ, женщина должна также учиться и для самой

себя; она должна развивать свои умственные способности для того, чтобы возвыситься и облагородить свою личность, чтобы выработать себѣ свѣтлый взгляд на вещи, чтобы освободиться отъ предрасудковъ, чтобы сдѣлаться нравственно совершеннѣе. Женщина, близкая къ идеалу, развитая во всѣхъ отношеніяхъ, всегда будетъ и хорошею женою, и примѣрною матерью. Эта невѣрность взгляда автора на цѣль образованія женщины выражается въ томъ, что онъ ограничиваетъ и стѣсняетъ кругъ наукъ, которыхъ изученіе считаетъ необходимымъ; самый процессъ изученія является поверхностнымъ и недостаточнымъ. Глава о чтеніи содержитъ въ себѣ полезныя совѣты и указанія на то, что нужно читать со вниманіемъ и дѣлать выписки; жаль только, что авторъ возстаетъ противъ всѣхъ романовъ безъ исключенія и не допускаетъ даже существованія такихъ романовъ, въ которыхъ можно было бы видѣть жизнь и людей безо всякихъ прикрасъ, — въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являются они на самомъ дѣлѣ. А такіе романы и повѣсти существуютъ, и чтеніе ихъ, не оскорбляя ни нравственности, ни приличія, развиваетъ чувство изящнаго и даетъ правильный взглядъ на жизнь.

Третья часть говоритъ о недостаткахъ, которыхъ должна остерегаться дѣвушка; это лучшая часть всей книги; самые недостатки подмѣчены и опредѣлены очень вѣрно, но любящая мать подтверждаетъ слова свои примѣрами, взятыми изъ жизни, — примѣрами, въ которыхъ, разумѣется, порокъ наказывался и торжествуетъ добродѣтель. Лучше было бы, когда бы этихъ примѣровъ совсѣмъ не было; пора перестать говорить съ дѣвушкою, какъ съ ребенкомъ; довольно объяснить ей, что дурно и что хорошо, зачѣмъ же еще грозить ей наказаніемъ; добродѣтель должна быть слѣдствіемъ сознанія долга и внутренняго убѣжденія, а дѣлать добро по заказу, для награды или по страху наказанія мелко и недостойно развитого человѣка. Къ тому же почти всѣ наказанія, которыми грозитъ маменька, состоятъ въ томъ, что можно по тому или другому недостатку упустить блестящую партію. Странно! Неужели же дѣвушка должна исправляться отъ своихъ недостатковъ для того только, чтобы поскорѣе выйти замужъ? Это оскорбляетъ достоинство женщины. Кромѣ того самъ авторъ противорѣчитъ себѣ, потому что въ 4-й части мать убѣждаетъ дочь свою не спѣшить замужествомъ, говоритъ о прелести дѣвичьей жизни и замѣчаетъ, что лучше весь вѣкъ остаться въ дѣвушкахъ, нежели выйти замужъ кое-какъ, не обсудивъ этого важнаго шага и не узнавъ коротко жениха.

Четвертая часть состоитъ изъ общихъ разсужденій о дружбѣ, о любви, о семейной жизни и о свѣтскихъ отношеніяхъ. Въ этихъ рассу-

жденіяхъ много хорошаго, когда говорится объ обязанностяхъ жены и матери; но странно, что авторъ ставитъ супружество по «разсудку и уваженію» выше брака «по истинной любви». На любовь авторъ смотритъ какъ-то не совсѣмъ дружелюбно, онъ смѣшиваетъ истинное чувство, основанное на взаимномъ уваженіи и пониманіи, съ пустою игрою фантазій.

Авторъ, какъ мы видѣли, не понялъ истиннаго значенія женщины, и безсознательно отнялъ у нея то высокое мѣсто, которое она должна занимать въ человѣческомъ обществѣ. Въ частностяхъ, чисто практическіе совѣты его могутъ принести пользу, но основной взглядъ рѣшительно не выдерживаетъ критики. — Изложеніе очень неудовлетворительно: риторическія фигуры и избитыя сравненія встрѣчаются на каждомъ шагу; попадаются даже въ очень сорезномъ разсужденіи выраженія «храмъ Гиминей», «крылатый божокъ» и тому подобныя вычурности. Языкъ тяжелъ, а мѣстами даже совершенно неправиленъ.

Стихотворенія Юліи Жадовской.

Всѣ стихотворенія Ю. Жадовской проникнуты истиннымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, которое вездѣ преобладаетъ надъ поэтическимъ творчествомъ; оттого въ каждомъ стихотвореніи есть что-то недосказанное, неопредѣленное; мысль и чувство не всегда находятъ себѣ соотвѣтствующіе образы и не вполне укладываются въ словѣ. Несмотря на эту недостаточность формы, несмотря на эту недосказанность и неопредѣленность, искренность чувства и тихая задумчивая грусть придаютъ стихотвореніямъ Ю. Жадовской особенную трогательную прелесть; грусть эта ищетъ себѣ отраженія въ явленіяхъ природы; и восходъ солнца, и лѣтній вечеръ, и легкое облачко, и падающая звѣзда находятъ себѣ сочувствіе въ душѣ Ю. Жадовской и наводятъ на нея мрачныя мысли; то тоскуетъ она о несовершенствахъ жизни, то груститъ собственнымъ горемъ, то съ печальной улыбкой вспоминаетъ о невозвратимомъ прошломъ. И вездѣ господствуетъ глубокая затаенная грусть, которая выражается просто и безыскусственно. Укажемъ нашимъ читательницамъ на нѣкоторыя изъ лучшихъ стихотвореній Ю. Жадовской. Къ числу такихъ стихотвореній относятся: «Исторія цвѣтовъ», XXXIX-е, «Сила звуковъ», XLVII е, «Необходимое при творство», «Неутоленная жажда», XCIX-е, «Нива», «Посѣвъ», «Посѣщенія». Мы обратили вниманіе нашихъ читательницъ только на самыя замѣчательныя изъ поэтическихъ произведеній Ю. Жадовской, — на тѣ, въ которыхъ форма всего болѣе соотвѣтствуетъ содержанію, въ которыхъ прекрасная идея выражается въ художественномъ образѣ. Приводимъ для примѣра

стихотвореніе I-е, замѣчательное по глубинѣ мысли:

Лучшій перлъ таятъ
Въ глубинѣ морской;
Зрѣть мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно въ бореньи
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она въ восторгѣ
Выразила мысль.

Въ этомъ стихотвореніи лежитъ глубокая идея. Только сильное волненіе можетъ вызвать паружу завѣтную мысль, которая таятъ въ глубинѣ души; человекъ бережетъ и лелѣетъ эту мысль, не хочетъ и не можетъ ея высказать; она для него священна, онъ боится подѣлиться ею съ другими, которые, быть можетъ, не поймутъ ея; она слишкомъ сильна, слишкомъ обширна, чтобы выразиться, и до времени таятъ, но настанетъ рѣшительная минута, которая потрясаетъ всю внутреннюю природу человека, и эта завѣтная мысль съ неудержимой силою, легко и свободно вылетаетъ во вдохновенномъ словѣ, или въ гениальномъ произведеніи. Сравненіе задушевной мысли съ перломъ, выброшеннымъ моремъ во время бури, образъ, въ которомъ выражена эта прекрасная идея, немного ватянуть, и потому слабъ и блѣднѣе. Приводимъ для сравненія стихи Шиллера, въ которыхъ высказывается та же мысль:

Ich wohn in einem steinernen Haus,
Da lieg ich verborgen und schlafe,
Doch ich trete hervor, ich eile heraus
Gefordert mit eiserner Waffe.
Erst bin ich unscheinbar und schwach und klein,
Mich kann dein Athem bezwingen;
Ein Regentropfen schon saugt mich ein,
Doch mir wachsen im Siege die Schwingen:
Wenn die mächtige Schwester sich zu mir gesellt,
Erwachs' ich zum furchtbarn Gebieter der Welt.

Какой оригинальный образъ: сравненіе гениальной мысли и поэтического творчества съ искрою, которая отъ удара желѣза вырывается изъ холоднаго кремня и разрастается въ могучій пламень,—это одно изъ такихъ сравненій, которыя составляютъ принадлежность великихъ поэтовъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ прекрасный образъ рѣшительно не переданъ въ русскомъ переводѣ Мейснера:

Я въ каменномъ домѣ незримо живу
И сплю въ безмятежномъ покоѣ;
Но я не могу не предстать на яву,
Заслыша оружье стальное.
Сперва я чуть видимъ, бесплещъ и малъ,
Дыханье твое мнѣ опасно;
Довольно дождики—я въ мигъ и пропалъ,
Но въ сушь расту я ужасно;
Когда же со мною мой братъ заодно—
Весь мѣръ мнѣ тогда утрашати суждено.

(Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ,
т. II, стр. 195.)

Изъ стихотвореній Ю. Жадовской приведемъ еще одно, въ которомъ выражено поэтическое сочувствіе къ бѣдной, трудовой жизни поселянина:

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Незавидна мѣстность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спать...
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичекъ стоитъ,
Головой качаетъ,—
Умолотъ плохой,—
Думаетъ, гадаетъ:
Какъ-то быть зимой?
Такъ вся жизнь проходитъ
Съ горемъ пополамъ;
Тамъ и смерть приходитъ,
Съ ней конецъ трудамъ.
Причастить больно
Деревенскій поѣ;
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ;
Отпуютъ уныло.
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать...

Какимъ теплымъ, мягкимъ сочувствіемъ дышать эти простыя, безыскусственныя строки; это простой рассказъ жизни поселянина,—рассказъ, вылившійся прямо изъ души поэта, не получившій въ словѣ никакихъ прикрасъ, но зато проникнутый тихою, какъ бы робкою грустью и глубокимъ искреннимъ чувствомъ. Въ этихъ стихахъ нѣтъ ни претензіи на эффектъ, ни желчи, ни сатирическихъ выходовъ; въ нихъ отразилась мягкая, нѣжная душа женщины, которая понимаетъ несовершенство жизни и груститъ молча и безропотно. Такое направленіе проходитъ черезъ всѣ стихотворенія Ю. Жадовской, но не вездѣ выражается въ такой опредѣленной и законченной формѣ. Кромѣ того въ другихъ произведеніяхъ Ю. Жадовской вниманіе поэта обращено на свой внутренній мѣръ и причинную неясности является отчасти самый предметъ. Понять, уловить, выразить въ поэтической формѣ движеніе собственной души—неопредѣленное чувство, несознанное стремленіе, труднѣе, нежели изобразить внѣшнюю природу. При первомъ нуженъ глубокий психологическій анализъ, при второмъ—достаточно одного поэтического чувства. Во всякомъ случаѣ, обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на стихотворенія Ю. Жадовской; многія изъ указанныхъ нами произведеній стоятъ на ряду съ лучшими созданіями русской поэзіи. Къ тому-же женщина лучше насъ пойметъ и оцѣнитъ чувства женщины, и сердечнымъ сочувствіемъ отзовется на задушевное, грустное слово.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова.
Я. Г. Е—А. («Отечеств. Записки», 1858 г., январь.)

Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельд-маршала графа Бориса Петровича Шереметева, въ началѣ царствованія Анны Іоанновны вышла замужъ за князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, бывшаго любимцемъ Императора Петра II. Когда весь родъ Долгоруковыхъ въ царствованіе Анны Іоанновны подвергся опалѣ, Наталья Борисовна послѣдовала за мужемъ своимъ въ ссылку, — сначала въ дальнія деревни, потомъ Сибирь, въ Березовъ. Девять лѣтъ прожила она въ изгнаніи; мужъ ея былъ казненъ вмѣстѣ съ тремя своими дядями, а Наталья Борисовна, возвращенная изъ ссылки при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, удалилась въ Кіевскій монастырь и умерла скимницею. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ біографія знаменитой страдальцы, — женщины, посвятившей всѣ силы души святому чувству, — женщины, которой имя осталось въ исторіи, хотя она не была ни правительницей, ни писательницей, — хотя жизнь ея была только длиннымъ рядомъ страданій. Особенно утѣшительное явленіе представляетъ свѣтлый образъ княгини Долгоруковой въ половинѣ XVIII столѣтія среди безпреставныхъ переворотовъ и смуть, среди сценъ паслій и дворцовыхъ интригъ. Наталья Борисовна узнала и полюбила Ивана Алексѣевича при жизни Императора Петра II, когда Долгоруковы стояли еще наверху могущества, когда всѣ ожидали, что Иванъ Алексѣевичъ заступитъ мѣсто павшаго Меншикова, когда сестра его была обрученною невѣстою Государя. Но Императоръ умираетъ, и сцена переменяется. Долгоруковы сходятъ съ политическаго поприща и въ городѣ уже носятъ слухи объ окончательной ихъ опалѣ. Родственники Натальи Борисовны убѣждаютъ ее отказать жениху. Но 16-лѣтняя дѣвушка съ негодованіемъ отвергаетъ всѣ ихъ доводы. «Когда онъ былъ великъ, — пишетъ она въ своихъ запискахъ, — такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла, и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердцу, жить или умереть вмѣстѣ, а другому нѣтъ уже участія въ моей любви». Возникаетъ вопросъ, — имѣлъ ли князь Долгоруковъ, ожидавшій опалы, право связать судьбу свою съ участіемъ прелестнаго молодого существа, которому повидимому такъ удалбалась жизнь? Зная историческую личность князя Долгорукова, трудно рѣшить, поваль ли онъ великость подвига своей невѣсты, былъ ли онъ способенъ оцѣнить ее, и потому нельзя сказать утвердительно, какая побудительная при-

чина заставила его принять приносимую ему жертву. Въ счастливые дни свои онъ является намъ обыкновеннымъ временщикомъ, надменнымъ и честолюбивымъ, и только очистительная сила несчастія облагородила его, дала ему средство умереть истиннымъ человекомъ и спасла его память отъ нареканій потомства. Въ несчастіи смыслъ онъ съ себя пагубные слѣды тогдашняго превратнаго воспитанія и положенія своего при дворѣ; въ несчастіи является онъ человекомъ съ великой душой, достойнымъ любви своей супруги. Одно то обстоятельство, что онъ могъ быть любимымъ такою женщиною, какова была Наталья Борисовна, доказываетъ намъ, что онъ стоялъ выше уровня людей того времени, выше мелкихъ бездушныхъ честолюбцевъ. Что касается до личности самой княгини, то конечно она не принадлежитъ къ своему вѣку; она гораздо выше его, и возбуждаетъ теплое, почтительное чувство. Вы не ограничитесь однимъ уваженіемъ, вы полюбите ее какъ благородную женщину, умѣвшую любить, умѣвшую страдать. Это не античная статуя, поражающая правильностью формъ, строгая и холодная; это живая женщина съ истинно человеческимъ, глубокимъ чувствомъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о самой статьѣ. Это, по словамъ самого автора, не исторія, а только бѣглый очеркъ одной изъ благороднѣйшихъ личностей исторіи. Изъ нея читательницы наши, незнакомыя съ Наталією Борисовною, могутъ вкратцѣ (въ этой статьѣ всего 26 стр.) узнать главные факты ея жизни и характеръ той эпохи, въ которой она жила и дѣйствовала.

Паденіе Меншикова, обрученіе Петра II съ княжною Долгоруковой и смерть его, вступленіе на престолъ Анны Іоанновны описаны довольно живо и подробно, можетъ быть даже слишкомъ подробно по объему всей статьи. Обстановка — важное дѣло; не зная ея, не зная духа времени, нельзя понять ни личности героини, ни смысла событій; тѣмъ не менѣе не должно въ пользу этой обстановки жертвовать главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; на него обращено слишкомъ мало вниманія сравнительно съ окружающими его обстоятельствами; оно не выдвигается на первый планъ и иногда даже теряется изъ виду втеченіи нѣсколькихъ страницъ. — Нужно было говорить не столько о ходѣ политическихъ событій, сколько о впечатлѣніи, какое производили они на княгиню Долгорукову. Это ближе обрисовало бы ея характеръ; но, повторяемъ, рассказъ, когда онъ касается личности Натальи Борисовны, дѣлается очень интересенъ, тѣмъ болѣе, что онъ оживленъ цитатами изъ ея записокъ, въ которыхъ она съ такой благородной простотою, съ такой покорностью сама говорить о своихъ несчастіяхъ.

Образованіе женщинъ средняго и высшаго состояній. Г. Апелльрота. («Отечеств. Записки» 1858 г., № 2.)

Хотя статья Апелльрота написана болѣе для матерей семейства и для педагоговъ, нежели для нашего круга читателейъ, мы не можемъ пройти ее молчаиёмъ; предметъ слишкомъ важенъ и слишкомъ близко касается цѣли и направленія нашего журнала. Всѣмъ извѣстно, что воспитаніе женщинъ въ наше время еще не вполне соответствуетъ высокому ихъ назначенію; со времени Грибоѣдова, подвѣсившаго въ «Горѣ отъ ума» вопросъ о нашихъ женщинахъ, говорить и пишутъ о *мишурномъ блескѣ, о внутренней пустотѣ* женскаго воспитанія, а до сихъ поръ еще не все пересговорено. Слова остаются словами. Теорія не проводится въ жизнь. Женщины попрежнему живутъ болѣе вѣдшею жизнью свѣтскихъ удовольствій, оставляютъ свои обязанности, мало думаютъ о воспитаніи дѣтей. А между тѣмъ рѣдкая серьезная статья не указываетъ на этотъ недостатокъ нашего общества; рѣдкій романъ, рѣдкая повѣсть не выставляютъ гибельныхъ послѣдствій превратнаго воспитанія нашихъ женщинъ.

Статья Апелльрота—прекрасный протестъ противъ этого общественнаго зла, прекрасный по своей идеѣ, прекрасный потому, что, указывая болѣзнь, авторъ указываетъ и средства исцѣленія и по мѣрѣ силъ старается представить идеальное правильное женскаго развитія. На этомъ основаніи статью эту можно раздѣлить на двѣ части, какъ дѣлать ее и самъ авторъ: одна отрицательная послѣдовательно представляетъ развитіе зла, разбираетъ причины, изъ которыхъ сложилось современное превратное направленіе воспитанія, наконецъ раскрываетъ до послѣднихъ подробностей результаты, къ которымъ оно ведетъ, и выставляетъ разительные примѣры нравственнаго и умственнаго разлада между мужемъ и женою, — разлада, отравляющаго домашній бытъ, порождающаго семейныя неприятности, ссоры, слезы, несчастія. Мы назвали эту часть отрицательною, потому что въ ней указываются недостатки; въ этомъ же смыслѣ гоголевскія личности называются отрицательными типами.

Вторая часть, положительная, показываетъ намъ женщину идеальную и воспитаніе ея такое, какимъ оно должно быть по мнѣнію Апелльрота.

Первая часть вполне удовлетворительна, да и не мудрено. Это вѣрный снимокъ съ натуры, проникнутый искреннимъ, благороднымъ негодованіемъ. Вообще и въ изящной литературѣ нашей, и въ серьезныхъ статьяхъ лучше удаются отрицательныя стороны, отрицательныя

типы; и это понятно: все, что насъ окружаетъ, содѣйствуетъ развитію отрицательныхъ характеровъ, оттого и натурально видѣть отраженіе ихъ въ литературѣ; они списаны съ натуры; мы узнаемъ ихъ, узнаемъ себя и свое общество въ уродливыхъ типахъ.—Говорить объ уродствѣ легче, нежели представлять идеальную красоту, потому что легче вообще порицать, нежели хвалить. Люди обыкновенные, дюжинные встрѣчаются чаще великихъ людей, а между тѣмъ въ этой обыкновенности много недостатковъ, много печальныхъ сторонъ.

Все, что мы сказали вообще, можно отнести къ нашимъ жещипамъ, къ положенію ихъ въ обществѣ, къ семейнымъ ихъ отношеніямъ, къ условіямъ, подъ которыми онѣ развиваются.

Все это *обыкновенно*; и недостатки этой обыкновенности прекрасно выставилъ Апелльротъ. Особенно поразительны его примѣры семейныхъ несчастій, хотя мысль сама по себѣ и не нова:

«Посмотрите на эту чету супруговъ: жена воспитана по модѣ, недурна собою, премило болтаетъ по-французски, ловко себя держитъ и даже иногда, не только при постороннихъ, прогормитъ на роялѣ прелестнѣливую пѣску—конечно тоже модную и твердо-заученную; а мужъ—человѣкъ дѣловой, просвѣщенный и мыслящій; всмотритесь въ нихъ пристальнѣе: кажется, чего бы имъ не доставало? оба образованы и учены всему, а другъ друга не понимаютъ, будто сошлись они съ разныхъ планетъ. Онъ смотритъ на жену свою съ прискорбіемъ и какимъ-то пронычскимъ сожалѣніемъ и принужденъ съ нею объясняться чрезъ посредство другихъ. Ему хотѣлось бы и самому съ нею побесѣдовать отъ души, и начиналъ онъ не разъ такую бесѣду, но она не могла его понять—сначала, зѣвала и внезапно прерывала его какимъ-нибудь пустѣйшимъ вопросомъ; и замолкалъ онъ тогда, и съ грустью уходилъ отъ нея, и затанывалъ въ груди своей горькое чувство своего одиночества, одиночества узника, скованнаго супружескимъ долгомъ, отношеніями семейными и пустосвѣтскими. Много разъ пытался онъ устроить свой семейный бытъ разумно и правильно, но отказался наконецъ отъ этой мечты, махнулъ рукой и приютился въ клубѣ, гдѣ и находятъ себѣ покой и утѣшеніе. Она же очень довольна собою и даже мужемъ, всегда въ свѣтскомъ кругу, всегда развлечена, прославлена всѣми львами, никогда не бываетъ наединѣ съ собою и дома у себя, вѣчно въ гостяхъ.»

Неправда ли, *mesdames*, тутъ есть надъ чѣмъ задуматься. Мужъ и жена любятъ другъ друга (на сколько умѣютъ), оба молоды, богаты, образованы (по нашему). Чѣмъ не жизнь? А все чего-то недостаетъ. И въ этомъ пользя обвинять жену; она—невинная причина этого постоянного томительнаго недоразумѣнія, этого недоговореннаго, непонятаго въ ихъ отношеніяхъ.

Можетъ ли иначе чувствовать, можетъ ли иначе смотрѣть на жизнь женщина, воспитанная такъ, какъ воспитывается большинство нашихъ женщинъ?

«Но вотъ и другая чета средняго состоянія, семья небогатая. Мужъ трудами своими и служ-

бою добываетъ честно все необходимое для умѣренной... безбѣдной жизни, а на дорогія затѣи и роскошныя прихоти у него средствъ недостаетъ. Жена воспитана въ модномъ пансіонѣ, привыкла къ великолѣпной обстановкѣ, отъ сверстницъ наслушалась разныхъ соблазнительныхъ разсказовъ объ удовольствіяхъ свѣтской жизни и требуетъ отъ мужа такой же щеголеватой обстановки, такихъ же нарядовъ и удовольствій, какими пользуются ея прежнія пансіонскія подруги. Онъ не въ состояніи удовлетворять этимъ требованіямъ—и потъ начинается домашняя война, семейныя сцены; это повторяется довольно часто, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Безпрерывная война на булавкахъ убійственна, тѣмъ болѣе, что эти нападенія дѣлаются на беззащитнаго мужа въ то время, когда онъ, утомленный отъ трудовъ и заботъ, нуждается въ покоѣ душевномъ и тѣлесномъ; эти булавочныя нападенія неотразимы, а потому чрезвычайно утомительны и невыносимы. Кончается тѣмъ, что честный человѣкъ, чтобы отдохнуть хоть на минуту въ своей семьѣ, исполняетъ требованія жены, а для этого принужденъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ; онъ беретъ за кривыя дѣла, выжимаетъ взятки, пускается въ грязныя аферы и становится мерзавцемъ; или отъ чрезвычайныхъ усилій и трудовъ становится жертвою чахотки. А семейнаго мира все нѣтъ; желанія и требованія такой женщины неограниченны и увеличиваются по мѣрѣ ихъ удовлетворенія...

Для полноты, приведу еще одинъ примѣръ благодѣтельнаго вліянія этой лохеной полуобразованности. Не богатый, но трудолюбивый и честный человѣкъ по любви и здравому разсужденію женился на дѣвушкѣ простенькой, скромной, добродушной, воспитанной въ патриархальной простотѣ. Они устроили скромное свое житье-бытье; онъ трудится и добываетъ необходимое; она хозяйничаетъ, какъ умѣетъ; все идетъ прекрасно, и оба довольны своимъ состояніемъ. Но вотъ молодая женщина познакомилась съ сосѣдкой и очень ею обласкана—онѣ подружилась, какъ говорится. Сосѣдка воспитана въ пансіонѣ, образована какъ слѣдуетъ по пансіонски: бывала въ свѣтѣ, знаетъ во всемъ толкъ, особенно въ нарядахъ, маскарадахъ, гуляньяхъ и т. д. Молодая простушка слушаетъ ея заманчивыя разсказы о модныхъ шляпкахъ, накидкахъ, браслетахъ, объ удовольствіяхъ балныхъ и театральныхъ; слушаетъ съ подобострастіемъ и наставленія мудрой сосѣдки, какъ себя держать, какъ жить прилично слѣдуетъ, какъ въ обществѣ бывать пріятно и у себя вечера дѣлать необходимо. Заронились желанія въ головѣ бѣдной простушки. Мужъ замѣчаетъ, что у него въ домѣ что-то неладно; жена какъ-будто на него дуетъ, иногда подтруниваетъ надъ его бѣдностью и неумѣемъ жить прилично: сравниваетъ свое житье съ жизнью другихъ знакомыхъ, находитъ, что всѣ живутъ гораздо лучше и веселѣе, и выводитъ заключеніе, что мужъ ея вовсе не заботится о ея спокойствіи и счастіи, что она погубила свою молодость, вышедши за него замужъ. Потомъ начинаются упреки въ безчувственности, нерадивости, лѣни; упреки переходятъ въ брань, въ ссору—и «прощай хозяйскіе горшки!» Мужъ пытался уговаривать, урезонивать, упрашивать возбленившуюся жену свою, но она ничего и слушать не хочетъ; сладкіе разсказы образованной сосѣдки отуманили ея воображеніе; она возмечтала о себѣ. Наскучили наконецъ бѣдному мужу задорныя выходки жены и, чтобы отъ нихъ избавиться, онъ началъ бѣгать отъ своего дома, проводить свободное время гдѣ-нибудь съ пріятелями и за графичикомъ повѣряетъ имъ свое горе; ему отъ этого какъ-будто становится легче, в втеченіи времени онъ, вслѣд-

ствіе усиленныхъ пріемовъ утѣшительной эссенціи, дѣйствительно избавляется отъ всѣхъ печалей и приобретаетъ значительный запасъ терпѣнія и приоблѣтаетъ значительный запасъ терпѣнія и великолѣпнѣйшій багровый носъ. Между тѣмъ жена, отъ скуки, еще чаще посѣщаетъ милую сосѣдку, образовывается подъ ея руководствомъ и участвуетъ наконецъ собственными природными талантами добывать себѣ всевозможныя модныя наряды и прихоти и пользуется не хуже другихъ образованныхъ разными невинными удовольствіями. Вотъ какіе успѣхи можетъ сдѣлать простая женщина подъ руководствомъ пріятельницы, образованной въ пансіонѣ!

Причину этихъ печальныхъ разладовъ въ супружествѣ Аппельротъ дѣйствительно выводитъ изъ невѣрности основнаго взгляда на воспитаніе женщины, или, скорѣе, изъ отсутствія опредѣленнаго взгляда и направленія. Переходимъ ко второй части, къ части положительной, къ изображенію женскаго воспитанія такимъ, какимъ оно должно быть, по мнѣнію Аппельрота.

Посмотримъ сначала на цѣль его воспитанія, на конечный результатъ, къ которому должна прійти женщина, оканчивая курсъ своего ученія. Исключительной сферой дѣятельности женщины Аппельротъ считаетъ семейный кругъ, домашнюю жизнь; онъ сѣтается надъ учеными женщинами и съ пренебреженіемъ отзывается о женщинахъ-писательницахъ. Итакъ, вотъ одно положеніе: *женщина создана исключительно для семейнаго круга.*

Ограниченная сфера дѣятельности требуетъ ограниченнаго, до нѣкоторой степени, развитія, и Аппельротъ стѣсняетъ кругъ образованія женщины, смотритъ на нее какъ на какого-то вѣчнаго ребенка, которому нельзя и не должно говорить вещей серьезныхъ и отвлеченныхъ; онъ объясняетъ это тѣмъ, что «женщины вообще болѣе способны чувствовать сердцецъ, чѣмъ разсуждать; въ нихъ болѣе развито воображеніе, чѣмъ сознаніе, и вѣрованіе болѣе, чѣмъ убѣжденіе».

Другое положеніе: *въ женщинѣ чувство преобладаетъ надъ умомъ* и преподаваніе должно съ этимъ сообразоваться.

Аппельротъ распредѣляетъ всѣ науки, которыя считаетъ достойными для женщинъ, на три разряда:

1) Предметы, развивающіе чувство нравственнаго добра: Законъ Божій, отечественный языкъ, исторія, естественныя науки и географія.

2) Предметы, развивающіе и укрѣпляющіе мыслительную способность: отечественный языкъ, отчасти иностранныя языки и математика (арифметика и геометрія)!

3) Предметы, развивающіе механическую ловкость и чувство изящнаго: чистописаніе, рисованіе, танцы, музыка, рукодѣліе и домашнее хозяйство.

НВ. Всѣ эти предметы должны быть преподаваемы только въ томъ объемѣ, въ какомъ они нужны для семейной жизни, и сообразно съ тѣмъ, что у женщины чувство преобладаетъ надъ умомъ.

Полож. 1. *Женщина создана исключительно для семейной жизни.*

Въ наше время большинство женщинъ, при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ, при всемъ тепломъ, искреннемъ желаніи принести пользу, часто не имѣютъ средствъ благотворно дѣйствовать на свой домашній кругъ и, не получивъ основательнаго образованія, не могутъ даже воспитать своихъ дѣтей сообразно съ требованіями и духомъ времени.—При такомъ порядкѣ вещей конечно хорошо назначить имъ опредѣленное мѣсто, дать имъ разумную дѣятельность, а дѣятельность въ семейномъ быту конечно дѣло прекрасное. Но, ежели представлять себѣ идеалъ развитія женщины, то можно ли допустить такую исключительность, такое деспотическое ограниченіе? Можно ли отнять у женщины всѣ поприща дѣятельности, кромѣ семейнаго круга?

Ежели принять равенство мужчины и женщины, можно ли совмѣстить съ этой великой идеей такое несправедливое, обидное дѣленіе? Мужчина взялъ себѣ все: и гражданскую дѣятельность, и науку, и литературу, и искусство; мужчина не отказывается и отъ своей доли семейнаго счастья, а женщина *должна* довольствоваться тѣмъ, что ей оставлено: скромной своей половиной семейнаго счастья.—Воспитывая женщину исключительно только для домашней жизни, вы ставите ее въ полную безотвѣтную зависимость отъ виѣшнихъ обстоятельствъ, отнимаете у нея всякую внутреннюю самостоятельность. Нѣтъ, мы думаемъ, что женщинѣ, какъ и мужчинѣ, должны быть открыты всѣ поприща возможной дѣятельности. Гражданская жизнь наша не такъ организована, чтобы женщины могли принимать въ ней живое участіе, но зачѣмъ же самымъ воспитаніемъ отдалять ихъ отъ науки, литературы и искусства, когда онѣ могутъ внести въ эти области свой новый, оригинальный элементъ? Дѣло воспитанія—развить физическія, умственные и нравственные способности и потомъ предоставить полную свободу естественному влеченію; всякое ограниченіе въ воспитаніи, всякое направленіе къ извѣстной, узкой цѣли ведетъ за собою горестныя послѣдствія, особенно если одна исключительная цѣль назначается половиной человѣческаго рода.

Полож. II. *Въ женщинѣ чувство преобладаетъ надъ умомъ, и преподаваніе должно сообразоваться съ этимъ.*

Ежели и дѣйствительно преобладаетъ чувство, то неизвѣстно, дѣлается ли это по естественнымъ законамъ природы, или происходитъ

отъ недостаточнаго развитія умственныхъ способностей.

Утѣшительнѣе и правдоподобнѣе было бы послѣднее предположеніе; въ противномъ случаѣ, ежели умственные способности женщины дѣйствительно никогда не могутъ достигнуть той степени развитія, которой достигаютъ способности мужчины, тогда невозможно равенство правъ обоихъ половъ, тогда женщины осуждены на вѣчное подчиненіе, на вѣчное рабство. Но такое предположеніе не согласно съ чело-вѣческимъ достоинствомъ и рѣшительно не можетъ быть допущено. Неужели работа вѣковъ и тысячелѣтій, постепенно выводившихъ женщину изъ униженія и подданства, пропала даромъ? Неужели женщина никогда не будетъ исполнѣе подругою мужчины, никогда не раздѣлитъ съ нимъ тяжелой ноши заботъ и обязанностей, неужели женщина не скажетъ своего слова въ дѣлѣ развитія чело-вѣчества? Нѣтъ, это не возможно.—Дѣло воспитанія—именно развить до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ умственные силы женщинъ, привести эти силы въ равновѣсіе съ преобладающей силою чувства, а не полагать этому преобладавію, вредящему полной гармоніи. Переходимъ къ частностямъ.

Раздѣленіе наукъ на три разряда совершенно неестественно. Апелльротъ отдѣляетъ силу духовную отъ умственной, считаетъ одні науки важными для развитія чувства нравственнаго добра, другія—для развитія мыслительной силы. Но развѣ можно отдѣлять одно отъ другого, развѣ есть науки, которыя не развивали бы мыслительной силы и въ то-же время, ведя къ истинѣ, не поддерживали чувства нравственнаго добра?

Апелльротъ самъ чувствуетъ это, и потому отечественный языкъ попалъ въ обѣ категоріи, но исторія, по его мнѣнію, не развиваетъ мыслительной силы. И немудрено. Апелльротъ представляетъ исторію какимъ-то нравоученіемъ въ лицахъ, въ которомъ, какъ въ дѣтскихъ сказочкахъ, и то въ старыхъ, добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Такъ конечно исторія не развиваетъ мыслительной способности; но ежели мы въ ней будемъ видѣть жизнь и развитіе чело-вѣчества, ежели изъ нея мы будемъ изучать фізіономію и характеръ различныхъ эпохъ и народовъ, ежели однимъ словомъ, мы будемъ смотрѣть на исторію, какъ смотрятъ на нее современные ученые, и ежели мы передадимъ этотъ свѣтлый взглядъ нашимъ ученицамъ (а передать его можно, лишь бы умѣли взяться за дѣло), тогда никакая наука больше исторіи не разовьетъ мыслительной силы.

Назначеніе всякой науки—развить умственные способности; этого развитія нельзя отдѣлить отъ развитія чувства нравственнаго добра;

свѣтлый умъ, нормально развитый, горячо любить добро, потому что оно истинно, и любить его сознательно, умно. Аппелъротъ самъ говоритъ, что въ сущности чувство нравственнаго добра, чувство истины и чувство прекраснаго—одно и то-же. Къ чему же его неестественное дѣленіе? Къ чему же на первомъ планѣ поставлено развитіе чувства нравственнаго добра, когда оно путемъ науки невозможно безъ стремленія къ истинѣ? Надо сначала пробудить это стремленіе, вызвать къ дѣятельности силы молодого ума, и тогда плодомъ этого стремленія явится истинное, сознательное чувство нравственнаго добра.

Въ третьемъ отдѣлѣ соединяются изящныя искусства и чисто-практическія упражненія; рисованіе и музыка поставлены рядомъ съ чистописаніемъ и домашнимъ хозяйствомъ. Аппелъротъ смѣшиваетъ чувство изящнаго съ опрятностью и аккуратностью.

Еще нѣсколько словъ: изученіе литературы, изученіе народа въ его словѣ, эта высшая наука не нашла себѣ мѣста въ программѣ Аппелърота; онъ какъ будто съ прискорбіемъ допускаетъ чтеніе иностранныхъ писателей и даже изученіе отечественной литературы стоитъ у него на степени полезнаго развлеченія, не болѣе.

Трудно по объему нашего журнала войти въ болѣе подробный разборъ статьи Аппелърота. На этотъ разъ довольно будетъ и этихъ бѣглыхъ общихъ замѣчаній. Итакъ, статья, прекрасная по вызвавшей ее идеѣ, представляетъ нѣкоторые недостатки въ выполненіи: она стѣсняетъ дѣятельность женщины, ставитъ ее ниже мужчины по умственнымъ способностямъ и предлагаетъ программу, не соответствующую цѣли образованія женщинъ и не удовлетворяющую требованіямъ современной науки.

Наслѣдство тетушки. Разсказъ И. Весеньева. («Отеч. Зап.», 1858, № 3.)

Статья Аппелърота и повѣсть И. Весеньева сходятся въ своей основной идеѣ; и та, и другая выставляютъ недостаточность современнаго женскаго воспитанія, съ тою только разницей, что эта мысль у Аппелърота развивается теоретически, а у И. Весеньева она проводится въ живомъ разсказѣ, влагается въ образы и потому сильнѣе поражаетъ умъ, сильнѣе дѣйствуетъ на душу. Сюжетъ самый простой; это обыкновенно бываетъ тогда, когда основная мысль говоритъ сама за себя, когда она такъ сильна, что автору нѣтъ надобности прибѣгать къ внѣшнимъ эффектамъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Племянникъ, послѣ смерти тетушки, умершей классною дамой въ одномъ изъ модныхъ пансіоновъ, пріѣзжаетъ въ пансіонъ узнать о послѣд-

ней волѣ покойницы и получаетъ ея книги и вещи; онъ разсматриваетъ ихъ на досугѣ и удивляется: записки о вещахъ пансіонерокъ, журналъ ихъ занятій, учебныя книги, разныя контрабандныя книжки и тетрадки, письма къ родителямъ, отобранныя у воспитанницъ,—вотъ все, что онъ находитъ; нѣтъ ни слѣдовъ самобытной жизни, задушевной мысли въ томъ, что осталось отъ тетушки.—Эту загадку объясняетъ ему одна кузина, знавшая тетушку и даже воспитывавшаяся подъ ея руководствомъ въ этомъ модномъ пансіонѣ. Тетушку 5-ти лѣтъ помѣстили въ пансіонъ, 14-ти включили въ число пансіонерокъ, потомъ повысили въ классныя дамы—тѣмъ и кончилось. И такъ прошла цѣлая жизнь, не выходящая изъ сферы тѣснаго, сухого пансіонскаго быта; и тетушка умерла спокойная и счастливая сознаниемъ, что исполнила свой долгъ; а въ чемъ, спросите вы, состоялъ этотъ долгъ?—Дѣйствительно, давать направленіе молодому поколѣнію, развивать его умъ, облагораживать сердце, и видѣть плоды своего воспитанія,—какая великая, святая обязанность! какая прекрасная награда!—Но то ли дѣлала тетушка, такъ ли смотрѣла она на свои обязанности?—Нѣтъ, она поставила себѣ цѣлью жизни строгое, слѣпое исполненіе пансіонскаго устава, подъ гнетомъ котораго она выросла и состарѣлась. Пансіонъ замѣнилъ ей весь окружающій міръ, и она посвятила ему все существо свое, не разсуждая, не спрашивая о томъ, дѣйствительно ли здравы и непогрѣшимы всѣ его постановленія, хорошо ли то направленіе, которое даетъ онъ воспитанницамъ.—Мысли ея не шли далѣе ограды пансіона; могла ли она спрашивать у себя или отдавать себѣ отчетъ въ цѣли и назначеніи пансіона, въ цѣли и назначеніи собственной дѣятельности? Она была колесомъ сложной машины, полезнымъ только для движенія этой машины, но лишеннымъ всякаго сознанія, всякой самостоятельности. И такъ прошла жизнь; и это называется жизнью? А вѣдь въ этой женщинѣ были зародыши ума.—Имъ не дали развернуться; было чувство, это видно изъ того, что, умирая, она угѣшалась мыслью, что исполнила свой долгъ; видно изъ того, что она привязалась къ своему дѣлу и исполняла его добросовѣстно, хотя безтолково и бессознательно. Ежели бы эти силы были развернуты любящей рукою матери, ежели бы опытные просвѣщенные наставники развили умственныя способности ребенка, могла бы выйти женщина, а сколько высокаго, святаго въ одномъ словѣ: женщина.—Но съ пяти лѣтъ сухая, безцвѣтная обстановка замѣнила ей жизнь—и судьба ея была рѣшена, и она умерла, не понявъ того, что дѣятельность ея была бесполезна, что жизнь прошла вяло и сонливо. Странно одно. Неужели она могла безъ борьбы уступить окружающему порядку вещей? Неужели

ли ни разу душа не пробуждалась, не рвалась въ другую сферу, не искала любви и сочувствія? Неужели очнувшійся умъ не ужасался окружающей пустоты, не искалъ другой полезной дѣятельности? Правда, сильны дѣтскія воспоминанія, а съ этими воспоминаніями неразрывно связанъ тотъ же пансіонъ; но вѣдь есть пора молодости, когда сердце дѣвушки пробуждается, ищетъ любви, поэзіи. Тогда неволя должна казаться неволею, монотонная обстановка явится во всей монотоніи, безцвѣтная дѣйствительность покажется еще безцвѣтнѣе, въ сравненіи съ радужными идеалами, и тутъ должна быть минута борьбы, и послѣ этой борьбы нужно или вырваться въ другую сферу, или навсегда помириться съ прежнимъ положеніемъ. Тетушка помирилась и вѣроятно смотрѣла на мечты свои какъ на глупое увлеченіе молодости, но врядъ ли дѣло обошлось безъ всякой борьбы. Вѣдь и ученики іезуитовъ, въ которыхъ съ колыбели убивали волю, порою возмущались и сбрасывали съ себя нравственныя цѣпи, несомнѣныя съ достоинствомъ человѣка.— Жаль, что Весельевъ не прослѣдилъ этой борьбы; за послѣднимъ порывомъ къ свободѣ еще страшнѣе, еще грустнѣе показалась бы наступившая мертвая тишина, *calme plat*, какъ говорятъ французы. Кромѣ того процессъ и исходъ борьбы яснѣе выставили бы жалкую личность тетушки. Трудно обвинять въ участи тетушки одинъ модный пансіонъ, въ которомъ она воспитывалась, трудно сложить на его счетъ всю вину ея нравственнаго и умственнаго отупѣнія; однообразіе ея жизни и отсутствіе самыхъ святыхъ родственныхъ чувствъ, самыхъ необходимыхъ для сердца семейныхъ обязанностей положили на ея личность печать какой-то сухости и холодности; она не знала своего семейства, не испытала любви матери, умершей вскорѣ послѣ ея рожденія, и сама никого не любила сильно, съ самоотверженіемъ. Пансіонъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при самомъ вѣрномъ направленіи воспитанія не могъ замѣнить ей семейства; смерть матери оставила ничѣмъ не замѣнимый пробѣлъ въ ея жизни; мягкость чувства, сердечная теплота, которую только любящая рука матери можетъ вполне развить въ ребенкѣ, уступили мѣсто холодному исполненію долга.— Вина пансіона состоитъ въ томъ, что онъ не развилъ ея умственныхъ способностей, что онъ далъ ей кой-какія знанія безъ живого примѣненія ихъ къ жизни, что онъ не показалъ ей истиннаго назначенія женщины; еслибы въ этомъ отношеніи пансіонское воспитаніе сдѣлало свое дѣло, то тетушка была бы вѣроятно, какъ большинство людей, которыхъ дѣтство прошло не весело и однообразно, женщиною серьезною, сосредоточенною въ себѣ, можетъ быть даже холодною, но тогда по крайней мѣрѣ она могла бы принести дѣйствительную пользу,

тогда дѣятельность ея была бы сознательная и разумная. Но пансіонъ не сдѣлалъ этого. Соблюденіе пустыхъ формальностей обратило на себя все вниманіе наставницъ; строгая, холодная, форменная внѣшность занятій и самыхъ рекреаций запугала воспитанницъ и не могла привлечь ихъ, заинтересовать и пріохотить къ наукѣ, которая представлялась имъ въ видѣ уроковъ, не имѣющихъ между собою живой связи.

Такъ училась сама тетушка, такъ стала она учить своихъ воспитанницъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняетъ свой долгъ. Трудно винить ее въ этомъ.

Старое горе. В. Крестовскаго. («Отеч. Зап.», 1858 г., № 8.)

Дѣйствіе происходитъ на Душинскомъ Чугунномъ Заводѣ, въ глуши Пермской губерніи. Молодой человѣкъ, управляющій этого завода,—главное дѣйствующее лицо разсказа. Люди, съ которыми ему приходится жить, стоятъ ниже его по образованію; ему скучно, онъ обращается къ прошедшему и вспоминаетъ о своемъ старомъ горѣ, еще живомъ и не забытомъ. Его записки составляютъ повѣсть. Авторъ даетъ статьѣ форму дневника. Эти записки писаны черезъ годъ послѣ смерти жены, проникнуты грустью и глубокимъ отвращеніемъ къ жизни; онъ схоронилъ свое счастье и увѣренъ, что въ будущемъ ему ожидать нечего. Конецъ его записокъ убѣдитъ насъ въ противномъ, но объ этомъ послѣ. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о покойной женѣ его, Сашѣ.—Характеръ Саши очерченъ въ двухъ-трехъ отрывочныхъ сценахъ семейной жизни, о которой вспоминаетъ ея неутѣшный мужъ. Несмотря на то, онъ принадлежитъ къ лучшимъ женскимъ характерамъ нашей литературы, въ которой эти характеры удаются довольно рѣдко. Добродѣтельныя женщины большей частью выходятъ изъ ряду живыхъ существъ и дѣлаются какими-то блѣдными идеалами, въ которыхъ нѣтъ ничего женскаго.—Напротивъ, Саша — живая, прекрасная женщина; она безропотно переноситъ бѣдность, живетъ для своего мужа, старается облегчить его горькую участь, скрываетъ отъ него свои лишенія, чтобы не огорчить его, и, когда недостало силъ страдать, умираетъ спокойно, безъ слезъ, безъ жалобъ на свою судьбу. И при всемъ этомъ она остается вполне женщиной, прелестнымъ, любящимъ существомъ. Вотъ сценка изъ ихъ семейной жизни.

«Мнѣ попался въ книгѣ лоскутокъ, обрѣзокъ шелковой матеріи. Помню, я нашелъ его на полу нашей комнаты и, не зная почему, вздумалъ спросить Сашу, что это. Она покраснѣла, смутилась и стала ласкать меня. Это значило, что она не хотѣла отвѣчать. «Я себѣ обновку шью» сказала она наконецъ, когда я ужъ слишкомъ привязался. Об-

новки, и такой дорогой, быть не могло; я допрашивала настойчиво; она призналась: она взялась шить платье какой-то госпожѣ, которая искала, чтобъ ей работали дешевле, чѣмъ въ магазинахъ. Саша уже не въ первый разъ это дѣлала.

Это была ужасная минута... Моя жена—швей, поденьщица—вотъ все, что я ей доставала! Грязная франтиха, торгующаяся въ каждомъ грошѣ, важная богатая барыня, которой не жаль тысячей для своихъ глупыхъ прихотей, для своихъ тряпокъ, и которая смѣетъ находить, что бѣдные люди дождутся, продавая свои безсонныя ночи и голодные дни; уродливая барышня, которой надо угождать, чтобъ скрыть ея выломанные бока и сухія кости—все это обходится съ моей женой, какъ съ служанкой, посылаетъ за нею, когда вдумается, заставляетъ ее ждать въ своихъ дѣвичьихъ... Я забылся... не помню, что я дѣлалъ. Саша выхватила у меня изъ рукъ это платье; я хотѣлъ бросить его въ печку. Это меня образумило, это дало мнѣ понять, что, сколько ни негодуй, ни кричи, ты—человѣкъ «чистый и развитой», тебѣ это не къ лицу, не приходится: сожжешь гадкую тряпку, а заплатишь за нее не въ состояніи...

— Милый, не шуми! сказала она, тихо обнявъ меня и тихо плача...

Ея отецъ, слѣпой, больной, спалъ рядомъ въ комнатѣ.

Сколько чувства, сколько деликатности въ этой женщинѣ! Она понимаетъ свои обязанности въ отношеніи къ мужу, рѣшается помогать ему, и во имя долга побѣждаетъ ложный стыдъ и предрасудки; но она падаетъ самолюбіе своего мужа, боится оскорбить его, и, быть можетъ, первый разъ въ жизни рѣшается хитрить съ нимъ, и хитритъ такъ неудачно, съ такой прелестной неловкостью; ей тяжело и больно скрывать отъ него что бы то ни было. Приведенная нами сцена необыкновенно хороша. Она бросаетъ яркій свѣтъ на два главные характера повѣсти. Мужъ Саши—человѣкъ образованный и развитой, а между тѣмъ онъ не понимаетъ прекраснаго поступка своей жены. вмѣсто того, чтобы поддержать и ободрить жену, онъ приходитъ въ негодованіе и дѣлаетъ нелѣпую сцену. А между тѣмъ въ его запискахъ встрѣчается такое мѣсто:

«Онъ забыли, что женщина—помощница, и съ какой-то гордостью считаютъ ее только *утихой*, не видя, что это названіе, когда оно *одно*, унижаетъ женщину...»

Тутъ явное противорѣчіе словъ съ поступками, и такія противорѣчія встрѣчаются у него на каждомъ шагѣ; это отличительная черта слабого характера. Многіе прекрасно говорятъ, и говорятъ отъ души, съ полнымъ убѣжденіемъ, а въ жизни поступаютъ совершенно иначе и даже не замѣчаютъ противорѣчія въ своемъ поведеніи. Къ числу этихъ многихъ принадлежатъ и мужъ Саши; у него свѣтлый взглядъ на жизнь и прекрасныя убѣжденія, но онъ не умѣетъ съ ними сладить, не смѣетъ отбросить ихъ, потому что чувствуетъ, что они вѣрны, и не въ силахъ держаться ихъ въ жизни, потому что они слишкомъ велики и тяжелы для

него. Онъ возстаетъ противъ предрасудковъ общества, говоритъ очень умно и дѣльно, а между тѣмъ самъ вполне подчиняется имъ и никакъ не рѣшается отъ нихъ освободиться. Онъ виноватъ передъ своей женой; онъ не умѣлъ поддержать ея энергіи, не умѣлъ ободрить ее и облегчить ей горькую долю бѣдности; Саша не могла даже быть откровенной и страдала молча, потому что жалѣла мужа, какъ больного, слабого ребенка, а мужъ унывалъ, отчаявался и измучилъ жену, думая, что выражаетъ этимъ свою любовь. Изъ его записокъ видно, что онъ смутно понималъ свою невольную вину; вмѣсто тихой грусти является горькое чувство озлобленія, когда онъ говоритъ о своей прошедшей семейной жизни; въ его тонѣ слышится что-то вредѣ раскаянія; мѣстами проглядываютъ обвиненія противъ самого себя; но, какъ человѣкъ слабый, онъ тотчасъ старается сложить съ себя вину въ прошедшемъ, и жалуется на людей и на судьбу. Но это мрачное настроеніе духа со временемъ проходитъ. Такие люди, какъ мужъ Саши, не могутъ ни вѣчно любить, ни вѣчно страдать. Но забыть—невозможно. Прошло семь лѣтъ, а свѣтлый образъ Саши еще живетъ въ его душѣ, и ему больно, по временамъ стыдно за свое новое счастье, за довольство, котораго не раздѣлила бѣдная женщина, жертва нужды и лишеній. Въ послѣднихъ словахъ записокъ прекрасно выражено смутное состояніе души нашего героя; представлена внутренняя борьба, которая мучитъ и истощаетъ его силы. Ему хочется счастья, забвенія, а между тѣмъ жалко, совѣстно забыть бѣдную Сашу; хотѣлось бы воротить прошедшее, да не воротить, хотѣлось бы слѣтлаго будущаго, да на душѣ тяжелыя воспоминанія.—Весь характеръ мужа Саши выдержанъ до мельчайшихъ подробностей; авторъ отъ себя не говоритъ ни слова: даже самъ герой въ своихъ запискахъ говоритъ о себѣ и о своихъ качествахъ очень мало; а между тѣмъ его личность просвѣчивается въ каждомъ его словѣ; каждый разсказъ, каждая сцена его воспоминаній прибавляетъ къ его характеру новую черту; послѣ прочтенія повѣсти, онъ какъ живой человѣкъ является передъ читателемъ, со всѣми своими хорошими и дурными сторонами, со всѣми слабостями и недостатками.

Въ нѣсколькихъ словахъ записокъ очерченъ отецъ Саши, старый гимназическій учитель. Приводимъ эти слова и предоставляемъ нашимъ читателямъ составить себѣ понятіе о личности этого почтеннаго труженика:

«Помню похоропы старика. Его лицо будто предо мной, и расслабленное лицо Саши... И то сказать, такимъ людямъ не зачѣмъ жить на свѣтѣ! Любить науку, изучать, не утомляясь и не слабѣя волей до старости,—и не имѣть возможности выбиться изъ труженичества, доставить пользу другимъ, а себѣ хотя пылинку той извѣстности, которую другіе до-